

Николай Добролюбов

**Указатель статей серьезного
содержания, помещенных в
журналах прежних лет**

Николай Александрович Добролюбов

Указатель статей серьезного содержания, помещенных в журналах прежних лет

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116385*

Аннотация

«...Для какой надобности составлен подобный указатель? Предисловие уверяет, что для пользы «учено-литературно трудящихся соотечественников». Желали бы мы видеть таких соотечественников!.. Едва ли только отыщем их; едва ли кто откликнется на вопрос: «Не вы ли литературно-учено трудящийся соотечественник?»...»

Точно так же трудно будет, по всей вероятности, отыскать и специалистов, которые бы занялись «серьезным изучением» статей, исчисленных в указателях, изданных гг. Богушевичем и Бенардаки. Предисловие, наверное, полагает, что такие специалисты найдутся, но, по нашему крайнему разумению, это была бы уж слишком жалкая специальность, и для чести науки мы желали бы думать, что предисловие ошибается...»

Содержание

Комментарии

**Николай Александрович
Добролюбов
Указатель статей
серьезного содержания,
помещенных в
журналах прежних лет**

*Издание Н. Бенардаки и Ю. Богушевича. Выпуск
1-й. «Сын отечества», 1812–1852. Выпуск 2-й.
«Библиотека для чтения», 1834–1854. Составил В.
Коленов. СПб., 1858*

Нас неоднократно упрекали в том, что мы восстаем против науки и ученого трудолюбия, и упрекали совершенно несправедливо. Мы всегда готовы поощрить ученого трудолюбца, что бы он ни делал, и всегда бываем рады, когда трудолюбцы эти принимаются за дело, к которому назначила их природа. Мы всегда были убеждены, что составление лексикона гораздо полезнее, нежели составление риторических фраз. Вот, например, г. Богушевич. Мы не могли одобрить его, когда он сыпал цветами красноречия, бросая гневные и высокие взгляды на Восток и на Саади. Мы тогда откровен-

но высказали, что г. Богушевич пускается в пустозвонство крайне забавное, бездарное и иногда лишенное даже смысла. Наши откровенные суждения не остались, по-видимому, без действия: г. Богушевич, вместе с г. Бенардаки, предстает теперь пред нами как издатель *указателей* к статьям серьезного содержания и пр. Это очень похвально. Наука, конечно, и тут выигрывает немного; но все-таки это лучше, чем сочинять наобум трескучие филиппики против «Гюлистана».^[1]

К сожалению, желание исправиться не всегда дает силы оставить прежние дурные привычки. В предисловии к указателям г. Богушевич является пред нами тем же, чем являлся он и в обозрении «Гюлистана». Фразистость, бестолковость и самоуверенные суждения о предметах, вовсе, как видно, не знакомых автору, составляют отличительные черты предисловия. Мы с глубоким прискорбием заметили это и спешим еще раз наставить г. Богушевича с искренним желанием, чтобы он оставил свои злополучные привычки. Собственно с этой целью мы намерены поговорить о предисловии и самих указателях, предупреждая читателей, что речь пойдет о предметах очень скучных, хотя у г. Богушевича они и являются крайне забавными. По крайней мере ни одна из комедий последнего времени не заставила нас так хохотать, как это предисловие. Мы сначала даже приняли его за злейшую пародию на тех господ, которые хотят свои изыскания об ижице непременно поставить во главе современных успехов науки и искусства. Только прочитавши уже несколько

страниц, мы убедились, что г. Богушевич говорит серьезно. Как вы полагаете, какое значение приписывает он составлению указателей? Он доказывает, что оно должно быть высшим результатом того движения мысли, которое проявилось в нашем обществе и в литературе в последнее время!! Право, так. Уверяем вас и даже, для пущего смеху, выписываем (как это ни скучно) двадцать строк из предварительных расуждений предисловия. Вот они, эти строки. Наслаждайтесь ими, читатель, и благодарите нас, что мы открыли вам такой неистощимый источник смеху:

Наше время составляет новую эпоху в развитии русской мысли и литературы, как и в нашей общественной жизни. То всеобщее движение в мире мыслительном и общежитии, сопровождаемое различными нововведениями, изменением некоторых самых коренных идей и форм, – благотворное движение, на которое вызваны, по-видимому, все наличные моральные и физические силы нашего народа, – составляет резкий контраст с недавним периодом застоя, который еще у всех нас в свежей памяти. Всеобщее стремление к улучшению материального быта (посредством составления указателей?), промышленность, охватывающая все классы народа, вовлекающая в обороты всякого рода капиталы (и участвующая в составлении указателей?); развитие, – предполагаемое по крайней мере, – университетов (не для составления ли указателей?); заботы о народном образовании

(посредством указателей?), постоянно усиливающаяся влияние литературы (всё через указатели?) и возрастающее к ней уважение и сочувствие общества (за издание указателей?), развитие нашей журналистики (и размножение указателей?), этим сочувствием объясняемое, – все это *не есть ли явлением совершенно в нашей истории новым?* (Не есть ли г. Богушевич писателем отчасти безграмотным?) Не новая ль эпоха начинается для русской литературы, в которой (должны составляться указатели? Нет еще, – в которой) должны, как в зеркале, отражаться судьбы народа? Во всем этом движении не должны ли мы видеть пробудившегося сознания народного я? Не настала ли пора такого сознания для литературы?

Словом сказать, не настала ли пора составлять указатели?! Скажите, пожалуйста, можно ли так издеваться над тем общественным движением, которое действительно проявилось у нас в последнее время? Можно ли спускать его до такой степени низко? Если автор предисловия шутил, когда писал это, то мы должны ему заметить, что подобные шутки безрассудны и неприличны. Он может не сочувствовать современному прогрессу, может питать нежнейшую любовь к преобладанию тьмы и грубой силы, производящей застой и даже, пожалуй, останавливающей людей на улицах; нам до этого дела нет. Думай и люби он что хочет. Но зачем же выходить из пределов приличия и, пользуясь изданием указателя к «Сыну отечества» старых времен, проникаться духом

этого милого журнальца и так бесцеремонно издеваться над современным прогрессом?^[2] Хорошо еще, что все это выражено с таким полным отсутствием такта и ума, что всякий только посмеется над фразами предисловия. Но тем не менее эти фразы плохо рекомендуют того, кто их составил. Забавно изложение г. Богушевича (для того мы и представили образчик его), но он сам в этом изложении является читателю вовсе не забавным.

После нескольких страниц пустословия, которого образец видели читатели, г. Богушевич (предисловие не подписано, но слог и воззрения его не могут принадлежать никому иному, кроме автора статьи о «Гюлистане». Ошибиться тут нельзя: *ex ungue leonem*¹⁾ добирается наконец до указателей и пускается в гасконаду.^[3] «Человек приходит в мир и начинает строить здание, – говорит он, – но, уходя, оставляет его своему потомку недоконченным». Новый строитель выказал бы *безумие*, если бы стал продолжать постройку, не *изучив* прежней. Изучению этому хочет пособить г. Богушевич, вместе с г. Бенардаки, и выражается об этом следующим образом:

Смотря с этой точки зрения на значение и взаимное отношение настоящей и прошедшей русской ученой литературы, мы вознамерились принять на себя хоть малейшую часть труда привести в известность совершенное ею, с целью *облегчить эту задачу*

¹ По когтю – льва (лат.), то есть «видна птица по полету». – *Ред.*

для будущих зиждителей здания русской мысли (!!!). Нас приятно *обольщает* (именно *обольщает!*) эта цель, и мы почли бы себя счастливыми (как мало, подумаешь, нужно человеку для счастья!), если бы настоящим и будущим (неужто и будущим? Какое мрачное воззрение на будущность!) нашим ученым могли представить хоть *самое слабое средство* (напрасно: ученые, кажется, более любят сильные средства!) ознакомления с прежними русскими учено-литературными произведениями, хотя бы только с *голословными вопросами* (не знаете ли вы, что это за *голословные вопросы?*), в них рассматриваемыми... и т. д...

– все такая же глубокомысленная и высокопарная чепуха...

Признаемся, как ни плохо мы думаем о наших объявленных, известных, привилегированных ученых, но мы никогда не доходили до такого низкого мнения о них, как г. Богушевич. Предлагать нашим ученым, настоящим и будущим, в назидание статьи «Сына отечества»! Указателем к «Сыну отечества» «облегчать задачу будущих зиждителей здания русской мысли»! Признаемся, если бы мы считали себя в числе *ученых*, то мы «глубоко опечалились и оскорбились бы» предположениями г. Богушевича. Но, к счастью, мы не считаем себя принадлежащими к этой почтенной касте и потому только удивляемся, как мог г. Богушевич дойти до своих оригинальных понятий о русских ученых. Нуж-

на ведь необычайная игривость воображения для того, чтобы представить себе ученого, назидающегося чтением в старинном «Сыне отечества» статейке вроде, например, «Нечто о переводчиках Гомера» Фаддея Булгарина, «Об усовершенствовании познаний философических» Ивана Давыдова, «О литотритии» Николая Греча^[4] и т. п.

«Как же это, однако, – в недоумении спросит иной любитель библиографий, – ведь издатели обещали вносить в свой указатель только серьезные статьи; неужели же они полагают, что Фаддей Булгарин *серьезно* мог писать о Гомере или Иван Давыдов о науках философических?» Стало быть, полагают; что же с ними прикажете делать, когда они взялись за дело, не умея отличить серьезного от несерьезного. Они и юмористическую статейку Булгарина о характере Петербурга внесли в отдел *географии*, и «Мысли» Федора Глинки в отдел *философии*, и «Речь о любви к отечеству» в отдел *государственного и частного хозяйства* (!!), и «Кавказские очерки» Марлинского, и письмо барона Розена о римском пантеоне – в отдел географии... С таким понятием о *серьезности* ничего не сделаешь.^[5] Нужно еще радоваться, что в *географию* не вписаны все статейки о русском «Пантеоне», издававшемся господином Федором Кони...

Для какой надобности составлен подобный указатель? Предисловие уверяет, что для пользы «учено-литературно трудящихся соотечественников». Желали бы мы видеть таких соотечественников!.. Едва ли только отыщем их; едва

ли кто откликнется на вопрос: «Не вы ли литературно-учено трудящийся соотечественник?»... .

Точно так же трудно будет, по всей вероятности, отыскать и специалистов, которые бы занялись «серьезным изучением» статей, исчисленных в указателях, изданных гг. Богушевичем и Бенардаки. Предисловие, наверное, полагает, что такие специалисты найдутся, но, по нашему крайнему разумению, это была бы уж слишком жалкая специальность, и для чести науки мы желали бы думать, что предисловие ошибается.

Нелепость изданных ныне двух указателей превосходит всякое вероятие, и об них не следовало бы говорить иначе, как только для смеху. Но издатели объявляют, что хотят издать со временем указатели ко всем русским журналам, и потому мы решаемся сказать им несколько серьезных слов. Нам жаль мозольного труда переписчиков, которых они нанимают, вероятно, – списывать из старинных журналов заглавия статей, помещенных в отделе наук, художеств, критики, сельского хозяйства и т. д. Ведь эти самые переписчики могут употребить свой труд гораздо производительнее, переписывая, например, хоть студентские лекции вместо этого старого хламу.

Какие-то «почтенные лица, удостоившие издателей своих советов и наставлений», присоветовали им помещать в указателе только заглавие каждой статьи, без всяких замечаний. Вследствие такого решения статей не нужно было читать со-

ставителю указателя; это предоставлялось уже ученым специалистами! Кроме того – на составителя не падало ответственности за то, почему он одну статью внес, другую пропустил, почему одну признал важною, другую нет. «Почтенные лица» внушили издателям, что, позволивши себе делать замечания о статьях, они «обнаружили бы слишком много смелости и самоуверенности». Издатели послушались почтенных лиц, и плодом этого послушания были два указателя, ни на что не годных. Неужели, в самом деле, издатели так мало знакомы с наукою, что им представляется возможность почерпать полезные сведения из «Сына отечества» старых годов? Неужели они не понимают настоящей цели, для которой возможно еще позволить себе перебор этой старой дряни? Ведь тут могут быть только две цели – общая и чисто библиографическая. Общая цель состоит в том, чтобы отделаться от этого хлама: это та же самая цель, которую имеет человек, принимаясь перебирать бумаги, в несколько лет накопившиеся в его шкафах. Безумен будет тот, кто подымает всю их груды затем лишь, чтобы разложить их на кучки и распределить по новым местам. Такое занятие можно позволить себе только при самой убийственной скуке, от самого бессовестного безделья. Обыкновенно же всякий человек предпринимает время от времени подобный перебор с тем, чтобы выбрать из груды то, что еще может быть нужно, а остальное разорвать и бросить. То же самое и с старыми журналами. Если уж человек имеет столько самоотвер-

жения, что решается на неблагодарную работу составления указателя, то пусть же он примется за это по крайней мере с тем, чтобы покончить дело однажды навсегда. Пусть он прочтет все журнальные статейки затем, чтобы иметь уже полное право сказать, что их не надобно читать.^[6] Их даже можно вовсе и не вносить в указатель: кому они нужны? Но из двух-трех сот статей всегда выберется одна, которая может быть не бесполезна и для нынешних читателей. Это, разумеется, почти исключительно статьи, относящиеся к русской истории и литературе. На них-то следует уже обратить внимание и выбрать из них все, что в них есть замечательного и что не вошло еще в учебники. Вообще нужно стараться, чтобы указатель имел характер обозрения и мог бы отчасти даже заменить чтение самого журнала. Можно сделать с журналами нечто вроде того, что сделал Востоков с рукописями Румянцевского музеума в своем описании,^[7] — хотя, разумеется, журнальные статьи не стоят такой тщательности.

Если же уж иметь в виду цель чисто библиографическую, то надобно указывать *всё*, и опять-таки с замечаниями, чтобы библиограф мог понять, о чем идет дело в статье. И уж при этом не нужно ни выбора, ни систематического расположения статей в каждом отделе, ни даже самых отделов. Библиографу нужно знать журнальные статьи вовсе не для изучения предметов, которые в них излагаются, а для изучения самых статей: на то уж он библиограф есть! Для него всего лучше перепечатать полное оглавление журнала, с исчисле-

нием страниц, алфавитным списком собственных имен, указанием времени выхода каждой книжки и т. п. Такой указатель для него, разумеется, будет неоцененным сокровищем, хотя мир и посмеется над ним.

Ни той, ни другой цели указатели, изданные гг. Богушевичем и Бенардаки, вовсе не удовлетворяют. Общая цель не достигается оттого, что, во-первых, – внесен в указатель всякий вздор, неизвестно для какой надобности. Ведь это, в самом деле, странно было бы предполагать, что кто-нибудь вздумает интересоваться или поучаться тем, что писано было Иваном Давыдовым о философии или Василием Плаксиным о всемирной истории... Во-вторых – статьи, имеющие значение, здесь ничем не отмечены и не оговорены, так что теряются в массе ненужного хлама, все равно как и в забытом журнале. Я вижу, например, что в указатели поставлены: отрывок из Мартина Бэра, выписка из дневника Сапегги, рукопись о Московской войне Миткевича и т. п. Но я не знаю, что это такое, о чем именно, какие отрывки, стоит ли за ними гнаться?.. То же самое и с статьями. Читатель интересуется, например, германской философией, сочинениями Гизо и т. п. Увидавши в указателе, что об этом были статьи в «Библиотеке для чтения», он, пожалуй, сейчас и бросится доставать книжку; а вы и не предупредите его, что это за статьи?.. Какая ж польза будет от вашего указателя?

Цели чисто библиографической указатели, очевидно, не достигают по причине своей неполноты. Впрочем, может

быть, библиографы и останутся довольны: они ведь проливают слезы умиления при одном имени – *указатель!*..

Замечательно, что издатели, так хлопотавшие о системе распределения статей, так забавно перемешали все отделы, сочиненные ими. Верно, понятия составителей о научных предметах очень близко подходили к понятиям о естественной истории того почтенного господина, который на сельскохозяйственной выставке крайне затруднялся, куда отнести мед – к животному царству или к растительному. Наивное неведение составителей, поместившее, например, «Кавказские очерки» Марлинского в географию, произвело в обоих указателях невообразимую путаницу. Например, распространение христианства на Отаити указано в отделе богословия; а истребление язычества на островах Товарищества – в отделе географии; о храме св. Павла – в свободных искусствах, а о Ватиканском соборе – в географии; о войне с турками – в военном искусстве, и о турецких же войнах – в истории; о российских драматических писателях – в свободных искусствах, а о новейшей современной драме – в словесности; история российской церкви – в богословии; история христианства в России – в истории; Саровская пустынь – в географии; Лондон в отношении к нравственности – в богословии; ламайская вера – в географии; о модах – в государственном хозяйстве; о женщинах – в философии, и т. д. Замечательно, что если статья чуть-чуть двусмысленна по своему содержанию, так что может относиться к двум отде-

лам, то наверное она запрятана туда, где по здравому смыслу всего меньше можно ожидать ее. География, история и государственное хозяйство, словесность, философия и свободные искусства – это все так перемешано и перепутано, что нет даже средств принорочиться к составителям и приметить хоть какую-нибудь общую точку зрения, которая бы руководила ими. Да и могла ли у них быть какая-нибудь точка зрения, когда они не читали статей, вносимых ими в указатель, а между тем вносили в него всё, что было не повесть и не стихотворение. Оттого отделы философии, словесности, географии и истории – наполнены фельетонными статейками, о которых никто бы и не подумал вспомнить без навязчивого усердия составителей указателя.

Нет, – верно, и для составления указателя не мешает здравый смысл и некоторое понятие о деле, за которое берешься. Риторические фразеры и тут едва ли годятся; их дело только разблаговестить о своем предприятии да набросать высокопарное предисловие, небогатое смыслом. Как же только коснется до самого дела, тотчас окажется их неспособность к серьезному труду, даже библиографическому (самому механическому из *ученых трудов*), и выйдет из него не дело, только мука...

Комментарии

1.

Имеется в виду отзыв Добролюбова о студенческой работе Ю. М. Богушевича, посвященной сборнику рассказов персидского поэта Саади «Гюлистан» («Розовый сад»); работа была напечатана в «Сборнике, издаваемом студентами С.-Петербургского университета», вып. 1, 1857 (см. рецензию Добролюбова на «Сборник» в т. 2 наст. изд).

2.

Журнал «Сын отечества» в первый период своего существования (1812–1825) сыграл значительную роль в русской общественной жизни: в нем печатались И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев и др. После разгрома декабристов журнал теряет свое прогрессивное значение и становится реакционным органом во главе с Гречем и Булгариным. Добролюбов, давая отрицательную характеристику «Сыну отечества», несомненно, имел в виду этот последний период (1825–1852) существования журнала.

3.

Гасконада (от слова «гасконец») – здесь: хвастовство, фразерство.

4.

Упомянутая статья Булгарина напечатана в «Сыне отечества», 1821, ч. LXXI. Точное заглавие статьи И. Давыдова: «Образование и усовершенствование познаний философских в новые времена (из Введения в философию)». – «Сын отечества», 1819, ч. LI и LII. О резко отрицательном и враждебном отношении Добролюбова к Давыдову см. статью «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны», в дневнике, письмах и др. Статья Н. Греча – «Ответ Д-ру Штюмеру по поводу спора о литотритии» («Сын отечества», 1830, ч. CXXXVI).

5.

Автором «Речи о любви к отечеству» является В. Панаев (напечатана в «Сыне отечества», 1819, ч. LIII). Письмо Розена – статья «Римский пантеон» («Сын отечества», 1841, ч. II).

6.

...сказать, что их не надобно читать – скрытая цитата из стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840).

7.

Имеется в виду работа А. Х. Востокова «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума» (СПб., 1842), образцовая по научной тщательности и полноте.